Е31
210

КНЯЗЬ

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Очеркъ Г. Т. Сѣверцева.

(Съ 2 рис.).

С.-Петербургъ.—1903 г.

Е31/210
№ 39/7
№ 375
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
27953 1984 г.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Очеркъ.

Въ началѣ семнадцатаго вѣка Русь переживала тяжелыя времена, очень вѣрно прозванныя народомъ «лихолѣтьемъ». Какъ черные вороны, терзали ее внутренніе и внѣшніе враги. Появленіе самозванца, смуты послѣ неожиданной смерти царя Бориса Годунова, не прекращавшіяся и во время короткаго царствованія Лжедимитрія и при замѣнившемъ его царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ, появленіе второго самозванца, колебанія въ народѣ и въ войскѣ, лишенномъ всякаго порядка, не знавшемъ, за кого оно должно воевать, смуты и бунты по всей Руси, многочисленныя, всюду бродившія разбойничьи шайки, грабежи, убійства — совсѣмъ обезсилили Русь.

Въ это тяжелое время яркою, но быстро промелькнувшею звѣздочкою явился герой — князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, полюбившійся народу

за свою безмѣрную отвагу, за свой открытый нравъ, за то прямодушіе и ласку, съ которыми обращался онъ къ каждому.

Русскій народъ оцѣнилъ молодого отважнаго князя, воспѣлъ его въ былинахъ, пѣсняхъ и разсказахъ и навсегда сохранилъ память о немъ...

I.

Тревожно, съ перебоями, звонили московскіе колокола.

Темная ночь нависла надъ городомъ. Яркимъ заревомъ освѣщались московскія стѣны во многихъ мѣстахъ, — то горѣли посады.

Василій Ивановичъ Шуйскій сумѣлъ послѣ Лжедимитрія сдѣлаться царемъ московскимъ. Но не въ силахъ онъ былъ дать покой Руси. Четверти года не прошло, какъ опять пошла молва о Димитріи, будто бы счастливо убѣжавшемъ отъ смерти. За этого будто бы спасшагося Димитрія уже вставали многіе города, и на борьбу съ Шуйскимъ уже собралась цѣлая рать. Много всякаго сброда, разбойниковъ, бродягъ находилось въ этомъ войскѣ. Воеводою этой рати явился Болотниковъ, который и привелъ ее къ Москвѣ и осадилъ столицу и запершагося въ ней царя Василія.

Плотнымъ кольцомъ окружилъ Болотниковъ Москву и, чтобы устрашить ея жителей и скорѣе заставить ихъ сдаться, грабилъ и жегъ московскіе посады.

Москва волновалась.

На торгахъ, на площадяхъ московскихъ толпился разный людъ, испуганный, боящійся за свою жизнь и имущество.

Много ларей въ торговыхъ рядахъ было закрыто; купцы спѣшили спрятать свои товары, боясь, что врагъ ворвется въ городъ и начнетъ грабить.

— Что мы будемъ, сироты, дѣлать? печально говорилъ сѣдой, какъ лунь, торговецъ Лазарь Аксютинъ. — Снова для насъ разоръ!

— Не бойся, дѣдушка! успокоивалъ его молодой сосѣдъ его по ларю, Филиппъ Звончатый. — Отстоимъ матушку Москву и святые храмы отъ супостатовъ.

— Какъ отстоять-то, Филя? тоскливо продолжалъ старикъ. — Которую ночь все пожары да пожары! Ишь, сколь ратнаго люда вокругъ Москвы-то!

Молодой торговецъ усмѣхнулся.

— Не взять имъ Москвы! увѣренно проговорилъ онъ: — сказывали, что царь Василій Ивановичъ со владыкою и боярами рѣшили отсиживаться...

Короткій зимній день угасалъ.

За дымомъ, тянувшимся изъ-за московскихъ стѣнъ, еле можно было различить уходящее на покой солнце.

— У, проклятые, изъ-за нихъ даже солнца не видать! погрозилъ кулакомъ по направленію къ стѣнѣ старикъ Лазарь.

На площади, уже окутанной сумерками, послышалось бряцаніе оружія.

Торговавшіе еще кое-гдѣ купцы испуганно поспѣшили запереть свои лари.

— Ну, чего испугались, братцы? сказалъ Звончатый,—не ворогъ какой идетъ, а свои же!

Старикъ спросилъ проходившаго мимо воина:

— Куда, ребята, спѣшите?

— Государь великій повелѣлъ своему родичу, князю Михаилу Скопину охранять Серпуховскія ворота! отвѣтилъ воинъ.

— А почто такъ?

— Да перебѣжчики сказывали, что сегодня въ ночь лиходѣи хотятъ брать Москву приступомъ! объяснилъ воинъ и побѣжалъ вслѣдъ за ушедшими впередъ товарищами.

— Ишь, оно дѣло-то какое! Что затѣяли супостаты! сказалъ кто-то изъ собравшейся толпы.

— Погибли наши головушки! Пропадемъ мы отъ разбойниковъ!

Печально поникли головами и остальные. Опасность была не малая.

— Что съ вами тутъ толковать,—ишь, вы, какъ бабы, расхныкались! смѣло сказалъ Филиппъ.—Лучше

берите какое есть оружіе да идемъ на подмогу къ Скопину!

Смѣлая рѣчь торговца воодушевила унывшихъ москвичей, и многіе изъ нихъ пошли съ нимъ вмѣстѣ къ Серпуховскимъ воротамъ...

II.

Безмолвно ожидало московское войско у Серпуховскихъ воротъ нападенія враговъ.

Кое-гдѣ на стѣнахъ были разставлены чугунныя пушки; около нихъ находились пушкари, готовые каждую минуту затеплить свой фитиль и запалить снарядъ. Нѣсколько полѣньевъ въ желѣзной жаровнѣ краснымъ пламенемъ освѣщали стоящихъ и сидящихъ вокругъ нея воиновъ.

На обрубкѣ дерева, плотно запахнувшись въ мѣховой охабень, сидѣлъ молодой человѣкъ.

Небольшая курчавая бородка окаймляла его юношеское лицо. Это былъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Пламя играло на его блестящемъ шлемѣ. Молодой воинъ чутко прислушивался къ каждому шуму, раздававшемуся за стѣною, глаза его пытливо всматривались въ даль, озаряемую кое-гдѣ догорающимъ пожаромъ.

— А, что, Ларіонъ, пожалуй, сегодня не посмѣютъ? обратился онъ къ пожилому тысяцкому.

Молодой голосъ его звонко прозвучалъ среди ночной тишины.

— Дожидаются, должно быть, они, княже, чтобы москвичи заснули!

Михаилъ Васильевичъ засмѣялся.

— Не дождутся! сонными насъ не застанутъ, а придутъ,—гостинецъ есть для нихъ хорошій!..

Князь вдругъ замолчалъ и сталъ внимательно слушать.

— Чу... никакъ идутъ... сказалъ онъ тысяцкому, сдерживая голосъ.

Вѣсть о приближеніи враговъ быстро разнеслась между защитниками.

Всѣ напряженно стали ожидать нападенія. Пушкари затеплили свои фитили. Чуть слышно звенѣли мечи воиновъ, пробовавшихъ, легко ли они выходятъ изъ ноженъ. Угасающее пламя костра играло на отточенныхъ бердышахъ.

Изъ темноты за стѣною все яснѣе и яснѣе раздавалось бряцаніе оружія.

Враговъ не было видно, но присутствіе ихъ чувствовалось.

— А, ну-ка, ребята, пустите имъ гостинца! приказалъ князь Михаилъ пушкарямъ.

Вспыхнуло небольшое пламя у затравокъ, и одинъ за другимъ загрохотали выстрѣлы.

Засвистѣли пули и съ той стороны.

Тихая ночь огласилась выстрѣлами и стонами раненыхъ.

Несмотря на неожиданный отпоръ со стороны москвичей, Болотниковъ продолжалъ подвигаться къ стѣнамъ.

Закипѣла молодецкая кровь у юноши, не могъ онъ долѣе сдерживать своего порыва.

— Чего жъ намъ ждать!? крикнулъ Михаилъ воинамъ и московскимъ добровольцамъ.—Людъ московскій, братья, съ нами Богъ и св. Сергій, ударимъ на враговъ! Готовы ль вы?

— Готовы, княже! Постоимъ за вѣру православную, за святыни московскія, за батюшку царя! раздались голоса защитниковъ.

Заскрипѣли ворота на толстыхъ петляхъ, широко распахнулись они, и бѣшенымъ потокомъ ринулись москвичи на осаждающихъ.

Дрогнули враги отъ неожиданнаго напора и бросились бѣжать.

Москвичи, воодушевляемые своимъ предводителемъ, княземъ Скопинымъ, перебили ихъ множество и хотѣли итти дальше, но Михаилъ Васильевичъ во́-время остановилъ ихъ и вернулся за московскія стѣны съ тѣмъ, чтобы утромъ снова ударить на враговъ въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ они расположились станомъ.

Разбитый и при Коломенскомъ Болотниковъ бѣжалъ...

III.

Въ новыхъ хоромахъ, гдѣ жилъ царь Василій Ивановичъ, такъ какъ пребывать во дворцѣ, въ которомъ еще недавно жилъ Лжедимитрій, считалось неприличнымъ для государя, собралась боярская дума.

Шли толки о схваткѣ Скопина съ Болотниковымъ и его ратью.

Нѣкоторые изъ бояръ хвалили молодого воеводу за его отвагу и за побѣду, другіе же, напротивъ, старались различными намеками указать царю, что князь Михаилъ Васильевичъ не долженъ былъ рисковать и выходить за московскія стѣны.

— А, что́ бы случилось, сказалъ бояринъ Сабуровъ,—если бы враги были раздѣлены на два отряда? Пока князь Михайла гнался за однимъ, другой, найдя ворота открытыми, вошелъ бы въ городъ и занялъ бы Москву!

— Пожалуй, что и, впрямь, ты правду говоришь, бояринъ, замѣтилъ князь Ряполовскій, — не слѣдовало бы такъ поступать.

— Молодъ еще онъ, не уходился, вѣтеръ въ головѣ! завистливо отозвался кто-то изъ бояръ.

Внимательно слушалъ ихъ сужденія царь Василій Ивановичъ.

Онъ то недовѣрчиво посматривалъ на бояръ своими подслѣповатыми больными глазами, то пытливо взглядывалъ на патріарха Гермогена, недавно возведеннаго имъ на патріаршій престолъ.

— Что скажешь ты, владыка? спросилъ царь:— должны ли мы довѣрять Михайлѣ, коль онъ еще по молодости столь безразсуденъ?

Прямой по натурѣ Гермогенъ, не привыкшій говорить неправду, рѣзко отвѣтилъ:

— Что молодъ онъ, бѣды въ томъ нѣтъ, всѣ молоды были. Вынишь его ты за поспѣшность,— вины его я тутъ не вижу никакой: вѣдь онъ принесъ тебѣ побѣду, разбилъ враговъ!...

Недовольно отвернулся Василій Ивановичъ отъ патріарха.

— А вы что скажете, бояре? Согласны ли вы съ патріархомъ?

Не мало завистниковъ было среди бояръ у Скопина-Шуйскаго.

Восхваляя побѣду князя Михаила Васильевича, тѣмъ не менѣе они вселили въ подозрительнаго царя недовѣріе къ нему.

Да и не трудно было сдѣлать это. Царь Василій Шуйскій всегда готовъ былъ съ подозрѣніемъ смотрѣть на каждаго человѣка, чѣмъ-нибудь располагающаго къ себѣ народъ. Недовѣріе его къ Скопину скоро обнаружилось.

Весною 1608 г. у Василія явился новый врагъ, новый самозванецъ. Съ отрядами поляковъ и казаковъ, шелъ онъ къ Москвѣ, и съ каждымъ часомъ къ нему прибывали новыя силы; города одинъ за другимъ отказывались отъ Шуйскаго и переходили на сторону мнимаго Димитрія. Новый Лжедимитрій раскинулъ свой станъ недалеко отъ Москвы, въ Тушинѣ, за что и получилъ названіе «Тушинскаго вора».

Царю Василію приходилось напрягать всѣ силы, чтобы устоять передъ врагомъ, число сторонниковъ у котораго все росло и росло. Но подозрительность и недовѣріе оказались у Василія сильнѣе благоразумія, и воеводою надъ ратью, отправленной противъ Тушинскаго вора, онъ назначилъ не даровитаго, смѣлаго Михаила Скопина, а брата своего Димитрія.

Неспособный братъ царскій не сумѣлъ одолѣть врага. Войско царское, предводимое Дмитріемъ, отступило передъ самозванцемъ, при чемъ самъ воевода бѣжалъ впереди всѣхъ къ Москвѣ и допустилъ Тушинскаго вора дойти до городскихъ стѣнъ и обложить столицу осадой.

Молодой же князь Михаилъ былъ посланъ царемъ въ Новгородъ для заключенія договора со шведами.

IV.

Еще за годъ до нападенія Тушинскаго самозванца предлагали шведы царю Василію Ивановичу свою помощь; царь былъ стѣсненъ врагами, но, по древнему московскому обычаю, хотѣлъ скрыть настоящее положеніе дѣла отъ чужихъ и отъ предложенія отказался.

— Не нужно намъ ничьей помощи! Ратныхъ силъ своихъ достаточно, да и казна обильна! высокомѣрно отвѣтилъ царь Шуйскій воеводѣ, черезъ котораго шведскій король велъ переговоры.

Потомъ еще разъ предлагали шведы свою помощь, и во второй разъ Василій Ивановичъ отвѣтилъ отказомъ.

Но теперь положеніе стало еще хуже. Тушинскій воръ угрожалъ столицѣ. Въ Москвѣ у него было много сторонниковъ, то составлявшихъ заговоры противъ Василія, то поднимавшихъ народъ и заставлявшихъ его открыто требовать отъ Василія, чтобы онъ ушелъ съ престола. Каждый день множество москвичей убѣгало къ Тушинскому самозванцу, другіе, наоборотъ, приходили изъ Тушина въ Москву, чтобы на другой день опять перебѣжать въ Тушино. Города одинъ за однимъ отказывались отъ Шуйскаго и признавали своимъ царемъ мнимаго Дмитрія. Пришлось царю Василію забыть свои высокомѣрные

отказы отъ шведской помощи и вступить въ переговоры съ шведами. Поручилъ онъ это дѣло Михаилу Скопину-Шуйскому...

«Продержится ли Москва, пока явится на выручку шведская рать?» думалось Михаилу Васильевичу, когда онъ подъѣзжалъ къ Новгороду.

Съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ и шуринъ его, Семенъ Васильевичъ Головинъ.

— Знаешь, что, друже, сказалъ ему Скопинъ-Шуйскій, когда они пріѣхали въ Новгородъ, — не время мнѣ теперь покидать землю Русскую и ѣхать посломъ къ шведамъ...

— Чего же ты передумалъ, Михайло Васильевичъ? съ изумленіемъ спросилъ его шуринъ.

— Неспокоенъ больно Новгородъ, благопріятели Тушинскаго вора успѣли и здѣсь побывать; коли дѣло такъ оставить, такъ, неровенъ часъ, отпадутъ новгородцы отъ законнаго царя и крестъ поцѣлуютъ самозванцу! тревожно сказалъ Михаилъ Васильевичъ.

— Толкуютъ, что Псковъ да и сосѣдніе города цѣловали крестъ вору! проговорилъ Головинъ.

— Вотъ видишь, друже, моя и правда. Эхъ, кабы рати у меня было побольше! замѣтилъ Михаилъ Васильевичъ, — показалъ бы я имъ, какъ отпадать отъ законнаго царя! Ступай-ка лучше ты къ шведскому королю, продолжалъ Скопинъ-Шуйскій,— а я здѣсь посторожу!

Семенъ Васильевичъ отправился въ Швецію.

Скоро увидѣлъ князь Михаилъ, что Новгородъ, дѣйствительно, готовъ передаться самозванцу, и что ему, съ небольшимъ войскомъ, ничего не подѣлать съ новгородцами. Вышелъ онъ изъ Новгорода съ своей ратью, но и кругомъ Новгорода все было настроено противъ царя Василія, а пограничные со Швеціей города, — Орѣшекъ, Ивангородъ уже были за самозванца.

Нужно было торопиться скорѣе привести шведскія дружины, и Скопинъ, недовольный промедленіемъ своего шурина, пошелъ было самъ за ними въ Швецію, какъ вдругъ, уже въ устьѣ Невы догнали его новгородскіе послы-старосты:

— Вернись къ намъ въ Новгородъ, князь: всѣ граждане готовы цѣловать крестъ на вѣрность царю Василію! сказали они.

Изумился подобной перемѣнѣ Скопинъ.

— Хвала Творцу, что додумались! радостно проговорилъ онъ, — но кто васъ надоумилъ?

— Владыка Исидоръ, митрополитъ! отвѣтили послы: — онъ ясно намъ сказалъ, что не должны мы служить Тушинскому вору.

— Ну, коли такъ, вернусь и я къ вамъ.

И Скопинъ вмѣстѣ съ ними возвратился въ Новгородъ.

V.

Загудѣлъ на площадяхъ новгородскихъ народъ.

— Идутъ на Новгородъ поляки и русскіе воры изъ Тушина, быстро разнеслась молва по городу,— а во главѣ ихъ панъ Кернозицкій!

Противъ него рѣшился выйти новгородскій воевода Михайло Игнатьевичъ Татищевъ.

Утомленный отъ дневныхъ трудовъ, сидѣлъ задумавшись молодой князь Скопинъ вечеромъ въ отведенныхъ ему хоромахъ.

Мысль его бѣжала далеко впередъ.

«Удастся ли Михайлѣ Игнатьевичу разбить воровъ? думалъ Скопинъ: — пожалуй, дрогнутъ новгородцы и побѣгутъ... тогда ужъ все пропало! Не повести ли мнѣ самому полки вмѣсто него?»

Въ эту минуту въ горницу вошелъ молодой ратникъ, любимецъ князя.

— Ты что, Харлампій?

— Пришли къ твоей милости, княже, кое-кто изъ новгородцевъ...

— Зови сюда!

Съ поклонами вошли въ горницу нѣсколько мѣстныхъ старостъ.

— Къ твоей мы милости, князь Михайло Васильевичъ, по тайному дѣлу.

Скопинъ внимательно посмотрѣлъ на говорившаго.

— Поберегись, не дай себя ввести въ обманъ! сказалъ староста.—Воевода нашъ, Михайло Игнатьевъ, идетъ съ дружиной не для того, чтобы сразиться съ ворами, а чтобы передаться и сдать имъ Новгородъ...

Обвиненіе было тяжкое. Скопинъ задумался.

— Завтра сберитесь всѣ на площадь, и я при всемъ народѣ спрошу Татищева объ этомъ!

Доносчики поклонились князю низко и ушли.

На другой день, собравъ на площадь новгородцевъ, Михаилъ Васильевичъ громко объяснилъ имъ, какое обвиненіе возводятъ на ихъ воеводу.

Давно въ Новгородѣ не любили Татищева, и теперь разсвирѣпѣвшій народъ, не обсудивъ, виноватъ ли въ измѣнѣ Татищевъ, убилъ его.

Имущество убитаго воеводы, по старинному новгородскому обычаю, было продано съ публичнаго торга.

Между тѣмъ панъ Кернозицкій подступилъ къ Новгороду и расположился станомъ около Хутынскаго монастыря. Мѣстные крестьяне дали ему слабый отпоръ, но попавшіеся въ плѣнъ крестьяне наговорили Кернозицкому, что на выручку къ Новгороду идетъ громадная рать. Тушинцы испугались этого извѣстія и отступили къ Старой Руссѣ.

Пожалѣлъ князь Михаилъ Васильевичъ объ убитомъ народомъ новгородскомъ воеводѣ:

«Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ и не затѣвалъ измѣны!» думалъ онъ.

Вспоминалъ князь о Москвѣ, все еще находившейся въ осадѣ, и скорбѣлъ душою, что не могъ итти сейчасъ же къ ней на выручку.

«Ослабѣла земля Русская, обезлюдѣла, изъ-за моря приходится наемниковъ звать, чтобы законному царю защиту оказывать!» горевалъ онъ...

Зима уже совсѣмъ была на исходѣ, чувствовалась близость весны.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Скопинъ-Шуйскій возвращенія изъ Швеціи своего шурина Головина.

По расчетамъ князя, онъ теперь долженъ былъ бы уже возвратиться.

VI.

30-го марта радостно звонили колокола въ Новгородѣ. Всѣ стѣны города были усыпаны народомъ. Блестя на солнцѣ своими позолоченными доспѣхами и шишаками, брящая оружіемъ, подходила къ Новгороду шведская рать.

Радостно привѣтствовали новгородцы иноплеменныхъ воиновъ.

Впереди шведскихъ полковъ ѣхали на коняхъ Головинъ и предводитель шведовъ Яковъ Понтусъ Делагарди.

Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій встрѣчаетъ шведскаго воеводу Делагарди близъ Новгорода (1609 г.).

Съ рис. *Р. Штейна* (Заимств. изъ журнала «Нива»).

Со стѣнъ города загремѣли пушечные и ружейные выстрѣлы. Громкіе клики народа неслись навстрѣчу подходящимъ войскамъ.

Самъ Скопинъ-Шуйскій въ воротахъ привѣтствовалъ ихъ и обнялъ своего шурина и Делагарди.

Оба предводителя, Скопинъ и Делагарди, были молоды, красивы, статны и привѣтливы. Князю Михаилу шелъ всего 24-й годъ, а шведу было 27 лѣтъ.

— Какой красавецъ! замѣтила жена одного изъ новгородскихъ старостъ.

— Да, и шведъ ему подстать, также Господь красотой не обидѣлъ! отвѣтила ея сосѣдка.

Новгородцы восхищались иноземною дружиною.

Кромѣ пяти тысячъ шведовъ, въ ней было еще множество разноплеменныхъ охочихъ людей.

Войдя въ городъ, иностранцы расположились по домамъ горожанъ.

Делагарди былъ приглашенъ Скопинымъ остановиться въ его хоромахъ.

Прежде, чѣмъ объясняться со шведскимъ воеводой, князь Михаилъ позвалъ къ себѣ Головина для дачи отчета.

— Ну, сказывай, шуринъ, обратился онъ къ Семену Васильевичу, — за какую плату нанялъ ты шведовъ?

— На перво дѣло, пообѣщалъ имъ уплатить сейчасъ же въ Новгородѣ 5,000 рублей да послѣ 32,000 рублей. Весь коштъ нашъ. А коли шведы

людей прибавятъ, то намъ за нихъ платить больше не надобно....

Внимательно слушалъ Скопинъ слова Головина.

— Ну, а дальше что?

— А кромѣ того, условился я, чтобы государь царь Василій Ивановичъ отпускалъ по нуждѣ и свое войско шведамъ безденежно, да уступить должны мы Корелу со всѣмъ ея уѣздомъ, вотъ и все.

— Договорился ты ладно, шуринъ. Деньгами только вотъ казна наша сейчасъ бѣдна, а платить имъ надо. Гдѣ ихъ взять?

— Послушай, братъ, поразошлемъ грамоты по городамъ, которые не столь разорены, умолимъ, упросимъ прислать намъ денегъ! замѣтилъ Головинъ.

— Ты правъ, помогутъ, не оставятъ святую Русь погибнуть отъ воровъ! увѣренно проговорилъ Михаилъ Васильевичъ. — Теперь идемъ со шведомъ толковать.

Молодой военачальникъ уже ожидалъ князя въ занимаемыхъ имъ палатахъ.

Головинъ, понимавшій немного по-шведски, вызвался быть переводчикомъ.

— Спасибо шведскому королю за помощь, обратился молодой князь къ Делагарди, — хотя эта помощь намъ и не особенно необходима...

Делагарди съ изумленіемъ посмотрѣлъ на говорившаго.

— Тогда зачѣмъ же русскимъ шведская рать? пытливо глядя на Скопина, спросилъ онъ.

Михаилъ Васильевичъ уклонился отъ прямого отвѣта.

— Нашъ великій государь находится въ благополучіи, и всѣ подданные ему прямятъ; есть какихъ-нибудь тысячъ восемь русскихъ бездѣльниковъ, которые пристали къ полякамъ и казакамъ...

Делагарди удовлетворился этимъ отвѣтомъ и только спросилъ:

— Когда жъ ты, князь, уплатишь намъ пять тысячъ рублей, какъ условлено въ договорѣ?

— Держать не буду,—лишь только государь великій ихъ пришлетъ, сейчасъ отдамъ.

Молодой шведъ былъ недоволенъ промедленіемъ.

Это замѣтилъ Скопинъ и сейчасъ же прибавилъ:

— Коль деньги вамъ сейчасъ нужны, мы и сейчасъ дадимъ, не всѣ, конечно.

Не ожидавшій такой быстрой уплаты, Делагарди низко поклонился князю.

На другой день были уплачены шведамъ три тысячи рублей деньгами, которыя назначены были на жалованье русскому войску, но такъ какъ звонкой монеты не хватило, то пришлось доплатить собольими мѣхами.

Шведы успокоились и согласились подождать остальную сумму.

VII.

— Эхъ, кабы только скорѣе выбраться намъ къ Москвѣ! отважно проговорилъ Скопинъ,—всѣ города сейчасъ опять крестъ на вѣрность царю Василію поцѣлуютъ!

Но не такъ скоро удалось молодому князю выступить во главѣ соединеннаго русско-шведскаго войска изъ Новгорода. Цѣлый мѣсяцъ простояли они въ городѣ.

5-го мая одинъ отрядъ соединеннаго русско-шведскаго войска впервые встрѣтился подъ селомъ Каменкой съ тушинцами, которыми начальствовалъ Кернозицкій.

Утомленные бездѣятельностью ратники рвались на бой. Грозно налетѣли они на тушинцевъ и разбили ихъ на голову.

Немало досталось побѣдителямъ пушекъ, пороху, лошадей и плѣнныхъ. Скопинъ не препятствовалъ ратникамъ подѣлить между собою добычу.

Быстро разнеслась вѣсть объ этой побѣдѣ по сосѣднимъ городамъ, и перешедшіе на сторону самозванца Ржевъ, Холмъ, Невель, Великія-Луки и Торопецъ снова признали царемъ Василія Ивановича.

На помощь осажденному тушинцами Порхову Скопинъ послалъ отрядъ, который и освободилъ его. Торжокъ и много другихъ городовъ били челомъ

молодому князю, отступились отъ самозванца и цѣловали крестъ законному царю. Лишь только Псковъ попрежнему его держался.

— Расчищена дорога! весело сказалъ князь Михаилъ Васильевичъ, обращаясь къ Делагарди,—теперь и мы съ тобою, шведскій витязь, пойдемъ рука объ руку на супостата!

— Нѣтъ, князь, спокойно отвѣтилъ осторожный шведъ, — отдѣльно лучше: коль одного постигнетъ неудача, другой поможетъ.

Раздѣлившееся войско выступило изъ Новгорода.

На пути къ Скопину прискакалъ гонецъ изъ Торжка.

— Спѣши, князь, на подмогу къ намъ! Тушинскій воръ прислалъ новыхъ двѣ рати! Ужъ захватили они Старицу, разграбили и пожгли огнемъ, теперь обложили нашъ Торжокъ.

— Какихъ двѣ рати? изумленно спросилъ Михаилъ Васильевичъ гонца.

— Одна изъ поляковъ, съ Зборовскимъ во главѣ, другая же изъ нашихъ русскихъ измѣнниковъ состоитъ, и воеводою у нихъ—князь Шаховской.

Скопинъ не сталъ ожидать Делагарди и пошелъ одинъ на помощь къ Торжку.

Тушинцы бросили осаду Торжка, отступили къ Твери и заперлись тамъ.

Соединившись потомъ со шведскими войсками, Ми-

хаилъ Васильевичъ напалъ на Тверь, сначала безуспѣшно, но вторичный приступъ удался соединенной рати. Тушинцы бросились бѣжать изъ Твери, русскіе и шведы гнались за ними и разбили ихъ окончательно.

— Теперь скорѣе идемъ къ Москвѣ! рѣшительно объявилъ войску молодой князь.

VIII.

На другой день утромъ, на зарѣ въ ставку Скопина вошелъ дружинникъ Ларіонъ.

Князь только что поднялся съ постели.

— Что тебѣ? спросилъ онъ вошедшаго.

— Неладное у насъ творится въ стану, князь...

Въ глазахъ Михаила Васильевича блеснулъ гнѣвъ.

— Сказывай скорѣе, что случилось?

— Да шведы бунтовать начинаютъ, итти на Москву не хотятъ...

Молодой воевода не сталъ дальше его слушать и, схвативъ мечъ, выбѣжалъ изъ ставки.

Делагарди шелъ ему навстрѣчу.

— Отчего бунтуютъ твои шведы? гнѣвно спросилъ его Михаилъ Васильевичъ.—Почему не хотятъ итти къ Москвѣ?

Шведскій военачальникъ замялся.

— Я самъ готовъ исполнить твой приказъ, князь Михаилъ, и охотно иду къ Москвѣ, но ты самъ знаешь, что заставить моихъ воиновъ я не могу.

— А почему же они не хотятъ?

— Спроси ихъ самъ...

Оба полководца подошли къ шведскому стану. Угрюмо встрѣтили ихъ шведы. На вопросъ Скопина, почему они не хотятъ итти далѣе, шведы отвѣчали:

— Уплати намъ жалованье, князь, какое обѣщалъ, тогда мы и пойдемъ!

Скопинъ понялъ, что ему не удастся заставить наемниковъ двинуться къ Москвѣ.

Печальный вернулся князь въ свою ставку.

Онъ опасался, что начатое такъ блестяще дѣло можетъ погибнуть изъ-за недостатка денегъ.

Неудача со шведскими наемниками этимъ еще не окончилось. Подъ вечеръ къ Скопину пришелъ вторично Делагарди и заявилъ князю:

— Король прислалъ изъ Швеціи гонца,—въ большой онъ обидѣ, что до сихъ поръ вы, русскіе, не сдали ему Корелы по условію.

Скопинъ понялъ, что это не болѣе, какъ ловкій предлогъ для того, чтобы не итти далѣе. Никакого шведскаго гонца, какъ онъ зналъ, не прибыло въ станъ.

— Да и жалованье, князь, мнѣ тоже нужно...

— Ты знаешь самъ, отвѣтилъ Михаилъ, — что

заплатить тебѣ теперь мы не можемъ. Подожди, доберемся до Москвы, получишь тамъ ты все съ лихвой!

Делагарди колебался.

— Не смѣю я, князь, ослушаться короля, да и деньги мнѣ очень нужны.

Недовѣріе шведа, котораго Скопинъ привыкъ уважать за храбрость, поразило князя; онъ видѣлъ, что просить его—только унижать себя, и они разстались.

Шведскіе полки вмѣстѣ со своимъ полководцемъ вернулись къ Торжку.

Озлобленные невыдачей жалованья, они начали грабить окрестныя селенія.

— Не дамъ погибнуть землѣ Русской! рѣшилъ Скопинъ.

И собравъ все, что у него оставалось изъ драгоцѣнностей, послалъ своего шурина Головина въ шведскій станъ подъ Торжкомъ предложить шведамъ вмѣсто денегъ эти драгоцѣнности и заключить съ ними новый договоръ.

Только одинъ отрядъ шведской рати, подъ начальствомъ Христіерна Зоме, согласился принять это предложеніе и соединился со Скопинымъ подъ городомъ Колязиномъ.

— Спасибо тебѣ, шуринъ, обнявъ Головина, горячо благодарилъ его Михаилъ Васильевичъ,—теперь мы снова двинемся впередъ.

— Пождемъ пока,—пусть помощь подоспѣетъ и изъ другихъ мѣстъ! замѣтилъ осторожный Головинъ.

IX.

Еще раньше, чѣмъ пригласить къ себѣ отрядъ Зоме, князь Скопинъ разослалъ по городамъ и монастырямъ гонцовъ съ просьбою о присылкѣ денегъ и ратныхъ людей.

«Стонетъ Русская земля отъ усобицъ и крамолы, ждетъ она помощи отъ русскаго люда, пора ее успокоить, матушку!» писалъ молодой военачальникъ въ разсылаемыхъ имъ грамотахъ.

Далеко поразъѣхались княжескіе послы во всѣ стороны по родной Руси.

Побывали они и въ Печенгскомъ, и въ Устюжскомъ, и въ Спасо-Прилуцкомъ монастыряхъ, перекинулись на ладьяхъ по бурному Бѣлому морю и въ Соловецкую обитель.

Отовсюду навезли они кожаные кошели, полные денегъ. Не отказали дать на народное дѣло трудовой крестьянскій грошъ также вологжане и сольвычегодцы.

Но далекій Пермскій край холодно отозвался вначалѣ на грамоту Скопина и медлилъ присыломъ.

— Эхъ, не русскіе они люди! Не жалѣютъ они

земли своей родной! съ досадой говорилъ Михаилъ Васильевичъ, не получая никакого отвѣта изъ Перми.

Зато далекіе купцы Строгановы прислали въ русскій станъ немалую денежную казну и ратныхъ людей.

Наконецъ откликнулась и Пермь.

— Спохватились! радовался юный воевода.

Немало скопилось у него пришлаго люду, готоваго постоять за законнаго царя противъ тушинскихъ воровъ и поляковъ, но все это были люди мало знакомые съ дѣломъ ратнымъ.

— Поучилъ бы ты ихъ ратному дѣлу, Христіанъ, обратился молодой военачальникъ къ шведу Зоме:— обученный человѣкъ много больше стоитъ не знающаго, какъ ему со врагомъ бороться.

Христіернъ охотно занялся обученіемъ новичковъ.

Такъ Скопину въ одинъ мѣсяцъ удалось собрать казну и людей: 13 іюля былъ изгнанъ непріятель изъ Твери и ушли шведы, а уже въ половинѣ августа въ станѣ подъ Колязиномъ собралось новое русское войско.

Разбитый подъ Тверью Зборовскій бѣжалъ къ Троицкой лаврѣ, гдѣ вмѣстѣ съ гетманомъ Сапѣгой осадилъ ее, тщетно ожидая сдачи обители.

Напрасно теряли время оба воеводы: обитель св. Сергія крѣпко держалась противъ осады, и поляки и тушинцы сняли осаду и пошли на Скопина.

— Гости къ тебѣ идутъ, Сапѣга и Зборовскій! предупредилъ Михаила Васильевича Головинъ, возвращавшійся отъ Переяславля, куда ѣздилъ разузнать о положеніи дѣла.

— Что жъ, рады дорогимъ гостямъ, почествуемъ ихъ въ волю! весело промолвилъ молодой князь.— А для большей чести, пойдемъ къ нимъ навстрѣчу!

Утомленные долгимъ ничегонедѣланіемъ, ратники были довольны поразмять руки и посчитаться съ ворами.

Снявшись на другой день рано утромъ, русское войско двинулось навстрѣчу приближавшейся рати тушинцевъ.

На рѣкѣ Жабнѣ, впадающей въ Волгу, встрѣтились враги.

Закипѣлъ бой.

Стойко держались обѣ стороны.

У тушинцевъ было болѣе людей, чѣмъ у ихъ противниковъ, но отважный до самозабвенія Скопинъ, все время не покидавшій самыя горячія мѣста боя и положившій собственноручно немало враговъ, воодушевлялъ своихъ воиновъ.

Они дружно надвинулись на враговъ и погнали ихъ.

Побѣда была полная, тушинцы бѣжали повсюду съ поля битвы.

X.

Прослышали про побѣду и шведы, все еще стоявшіе подъ Торжкомъ, и прислали гонца къ Скопину:

— Прислалъ меня къ тебѣ, князь Михаилъ Васильевичъ, военачальникъ шведскій, Яковъ Понтусъ Делагарди, говорилъ русскій посланный отъ шведовъ:—бьетъ онъ тебѣ низко челомъ и говоритъ, что, коли сдадутъ шведамъ Корелу да дашь ты въ счетъ жалованья шведской дружинѣ денегъ, то пойдутъ они вмѣстѣ съ тобой на поляковъ и русскихъ воровъ и измѣнниковъ!

Задумался Михаилъ Васильевичъ.

Предложеніе Делагарди было какъ разъ кстати: итти одному, только со своею небольшою ратью на главныя силы тушинцевъ и поляковъ было опасливо.

Для обсужденія этого важнаго вопроса, Скопинъ созвалъ къ себѣ въ ставку своихъ помощниковъ, тысяцкихъ и Семена Головина.

— Что скажете? Какой совѣтъ дадите? спросилъ онъ собравшихся.

— Тебѣ, князь, виднѣе, ты лучше насъ знаешь! отвѣтилъ одинъ изъ тысяцкихъ.

— Мерекаю, что предложеніе шведовъ принять бы не мѣшало; хоть и кичатся они своею доблестью, а

все же помощники намъ будутъ знатные! проговорилъ Семенъ Васильевичъ Головинъ.

— Я такъ и порѣшу! спокойно подтвердилъ Скопинъ.—Чтобъ время не терять, сейчасъ же вмѣстѣ съ гонцомъ отъ шведовъ поѣдешь ты, Ѳедоръ Андреевичъ, обратился князь къ одному изъ своихъ подначальниковъ, боярину Чулкову,—и отъ Торжка отправишься ты дальше въ Корелу. Именемъ царя Василія Ивановича ты сдашь ее шведскому воеводѣ, затѣмъ вернешься сюда обратно.

— Да, какъ же, князь, посмѣю я сдать имъ Корелу:—вѣдь нуженъ на это царскій приказъ... смущенно замѣтилъ Чулковъ.

Грозно взглянулъ на него князь Михаилъ.

— Пойми ты, неразумный, государь въ Москвѣ, она осаждена врагами, къ нему сейчасъ и не добраться, а время не ждетъ. Царевымъ именемъ приказываю тебѣ исполнить все!

Ошеломленный Чулковъ молча поклонился Скопину.

— Позвать сюда гонца!

Посланный отъ шведовъ не замедлилъ явиться въ ставку.

— Поѣдешь ты сейчасъ съ бояриномъ Чулковымъ вмѣстѣ,—отвѣтъ мой Якову онъ лично передастъ.

И знакомъ руки князь отпустилъ гонца.

— Помилуй, княже, куда мнѣ въ такую темь

сейчасъ ѣхать, — вѣдь скоро ночь, немало воровского люда здѣсь бродитъ! взмолился Чулковъ. — Разрѣши остаться до утра.

— Сейчасъ же отправляйтесь, не время медлить! сурово сказалъ Скопинъ. — Бояринъ, ты скажи еще Якову, что часть жалованья получитъ онъ, какъ только сюда придетъ. Ну, съ Богомъ, добрый путь, спѣшите!

Чулковъ и гонецъ сейчасъ же отправились въ путь.

Согласіе Скопина на предложеніе Делагарди заставило шведа немедленно двинуть свою рать къ Скопину.

Былъ уже конецъ сентября, когда шведы и русскіе соединились и вмѣстѣ пошли на Переяславль.

XI.

— Ну, что, Яковъ, снова намъ свидѣться пришлось съ тобою? насмѣшливо замѣтилъ князь Михаилъ смущенному встрѣчей шведу, — а я ужъ думалъ, что ты со своими шведами на родину къ себѣ ушелъ.

— Теперь съ тобою, князь, я не разстанусь, я понялъ твое благородство! горячо отозвался Делагарди.

— Коль вѣришь ты въ меня, Яковъ Понтусъ, то и я тебѣ вѣрю! ласково отвѣтилъ Михаилъ Васильевичъ и обнялъ своего соратника.

Недоразумѣнія между молодыми военачальниками окончились, старая дружба возобновилась, и они вмѣстѣ стали обдумывать новое наступленіе на враговъ. Горячій князь не любилъ медлить.

Сейчасъ же по прибытіи шведовъ, сознавая, что силы его полковъ значительно увеличились, онъ рѣшился двинуться на Переяславль и захватить его.

Делагарди не возражалъ ему; всегда осторожный, на этотъ разъ онъ вполнѣ довѣрился своему другу.

Крѣпкая застава тушинцевъ сидѣла въ городѣ, но бороться съ Скопинымъ, воодушевленнымъ мыслью о скоромъ освобожденіи родины отъ враговъ, тушинцы не были въ состояніи.

Горя отвагою, русскіе полки двинулись къ городу, и скоро городъ былъ очищенъ отъ тушинцевъ.

Рано выпалъ въ этомъ году снѣгъ, зима наступила быстро.

— По хорошей дорогѣ пойдемъ-ка, Яковъ Понтусъ, къ Москвѣ! Богъ дастъ, очистимъ и ее, какъ Переяславль, отъ воровъ! весело предложилъ Делагарди князь Михаилъ. Онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія скорѣе освободить отчизну отъ враговъ... Отвага его заразила и осторожнаго шведа.

— Почто не пойти, князь? Съ тобой я готовъ всюду итти! отвѣтилъ Делагарди.

— Ну, вижу я, другъ ты мнѣ вѣрный!

Снова двинулись союзники впередъ.

Плохо защищенную Александровскую слободу они взяли очень быстро. Но дальше итти къ Москвѣ помѣшали союзникамъ Сапѣга, Зборовскій и Рожинскій, главный воевода тушинцевъ. Не дожидаясь, пока Скопинъ двинется на нихъ, тушинцы сами пошли на Скопина.

Внезапное появленіе враговъ не заставило Скопина растеряться. Онъ смѣло съ главной частью союзныхъ полковъ бросился на надвигающагося на него непріятеля, врѣзался въ самую середину его, сѣя смерть во вражескихъ рядахъ. Делагарди съ остальною частью дружины обошелъ съ тыла непріятеля и рѣшилъ участь боя.

Не мало времени длилась битва. Много крови было пролито съ той и съ другой стороны, но тѣмъ не менѣе тушинцы принуждены были отступить назадъ къ Москвѣ съ большими потерями.

Михаилъ Васильевичъ порывался итти дальше къ столицѣ, но вѣрный сподвижникъ его Яковъ Понтусъ посовѣтовалъ ему:

— Ой, пожди, князь, итти на Москву: очистимъ-ка сперва отъ враговъ всѣ поселки кругомъ, а то, неравно, останутся они у насъ въ тылу, и тогда намъ не сдобровать!

Князь послушался мудраго совѣта и остался зимовать въ Александровской слободѣ.

XII.

Томился бездѣйствіемъ Скопинъ-Шуйскій, стоя на зимней квартирѣ.

Его женѣ, Анастасіи Васильевнѣ, сестрѣ Семена Головина, удалось, переодѣвшись, бѣжать изъ осажденной Москвы, и она явилась въ станъ къ мужу. Встрѣча супруговъ была самая трогательная.

— Томятся плѣномъ, Михаилъ Васильевичъ, царь и вся Москва, говорила молодая женщина мужу.

— Рвусь всею душою, касатка, чтобы освободить Москву, но еще не время, нужно сокрушить враговъ по сю сторону! отвѣтилъ ей молодой князь.

Но замѣчаніе жены не осталось безъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ Делагарди Скопинъ составилъ планъ строить засѣки, т.-е. стѣны изъ бревенъ и толстыхъ сучьевъ, одна за другою и подъ прикрытіемъ ихъ приближаться къ Москвѣ.

Въ это время неожиданно пришло къ Михаилу посольство отъ Рязанской земли. Явилось это посольство по мысли рязанскаго дворянина Прокопія Ляпунова.

Въ свое время, послѣ убійства перваго Самозванца, Прокопій Ляпуновъ, повѣривъ воеводѣ Болотникову, что Дмитрій живъ, присталъ къ войску Болотникова и увлекъ за собою рязанское ополченіе. Убѣдив-

шись, что Болотниковъ его обманулъ, онъ оставилъ его и ушелъ со своимъ ополченіемъ домой въ Рязань.

Ляпуновъ не любилъ царя Василія Ивановича и считалъ избраніе его на престолъ неправильнымъ.

Молва о подвигахъ молодого князя Михаила Васильевича разнеслась быстро по всей землѣ Русской. Народъ восхвалялъ его храбрость, его открытый, честный нравъ, его умѣнье обходиться со всѣми и его знаніе ратнаго дѣла. Уважалъ его и Прокопій Ляпуновъ.

«Вотъ, кому бы быть царемъ земли Русской, думалъ Ляпуновъ:—истинный онъ царь для насъ!»

Высказывалъ онъ свои мысли и рязанскимъ гражданамъ, и всѣ соглашались съ нимъ:

— Просить его на царство, бить челомъ князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, пусть сядетъ онъ на престолъ московскій!

— Согласны ли вы отправить къ нему посольство отъ всей Рязанской земли? спросилъ Ляпуновъ.

— Послать! Земно просить! Бить ему челомъ!..

И послы были отправлены въ станъ Скопина подъ Александровской слободой.

Съ изумленіемъ встрѣтилъ молодой князь рязанскихъ посланныхъ.

— Къ тебѣ, княже, по дѣлу прибыли! объявили послы.

Михаилъ Васильевичъ, думая, что рязанцы яви-

лись съ предложеніемъ своихъ услугъ, пригласилъ ихъ въ свою ставку.

— По какому дѣлу пожаловали ко мнѣ, сказывайте? спросилъ онъ пословъ.

— Отъ всей Рязанской земли пришли мы бить тебѣ челомъ и слезно молить: садись на престолъ московскій, будь царемъ-государемъ! Не мы одни, а вся Русская земля желаетъ избрать тебя въ свои цари...

Скопинъ изумился еще больше.

— Несуразное вы говорите, граждане рязанскіе! На престолѣ московскомъ сидитъ Богомъ поставленный царь Василій Ивановичъ, ему мы всѣ крестъ цѣловали на вѣрность,— какого вамъ еще царя нужно?

И не давъ посламъ что-либо отвѣтить, гнѣвно проговорилъ:

— Сказнить я долженъ былъ бы васъ за измѣну и крамолу законному царю, но, по малоумію вашему, не стану этого дѣлать! Ступайте домой, да скажите, чтобы пустыхъ бредней не распускали!

Смущенные послы возвратились въ Рязань.

XIII.

Таялъ Тушинскій лагерь, все меньше и меньше оставалось приверженцевъ у Тушинскаго самозванца.

Лихія нападенія Скопина на остатки ихъ окончательно разсѣяли тушинцевъ, они бѣжали изъ-подъ Москвы, осада была снята, и городъ вздохнулъ свободно.

— Князь Михайла, весело замѣтилъ Делагарди, входя въ ставку Скопина, — сказываютъ, что Москва освобождена отъ осады! Я уже послалъ отрядъ, чтобы провѣрить, правда ли это.

— Хвала Господу Вседержителю, коль правда! произнесъ Михаилъ Васильевичъ, осѣнивъ себя широкимъ крестомъ, и обнялъ шведа.

Отовсюду потянулись обозы къ освобожденному городу.

12 марта 1610 года вступили въ Москву и союзные полки.

Громадныя толпы москвичей далеко за городомъ встрѣтили своего избавителя Скопина-Шуйскаго.

— Батюшка! Родимый! Ты нашъ освободитель! Ты спаситель земли Русской! кричали ему москвичи, падая ницъ на землю передъ ѣхавшимъ на бѣломъ конѣ княземъ Михаиломъ.

Съ привѣтливой улыбкой встрѣчалъ молодой герой восторги толпы.

Ѣхавшій съ нимъ рядомъ Делагарди былъ растроганъ такою встрѣчею.

У городскихъ стѣнъ московскіе бояре поднесли освободителю хлѣбъ-соль.

— Да, ужъ теперь не посмѣетъ супостатъ напасть на нашу матушку-Москву! увѣренно говорилъ торговый гость Филиппъ Звончатый.

— Куда тутъ посмѣть: съ нами гроза его, самъ князь Михайло Васильевичъ! отозвался Лазарь Аксютинъ.

— Ишь онъ, соколъ нашъ, на конѣ красуется! съ восхищеніемъ глядя на молодого воителя, замѣтилъ третій торговый гость.

Подъѣзжая къ царскихъ палатамъ, Скопинъ былъ встрѣченъ колокольнымъ звономъ.

На крыльцѣ временныхъ палатъ его встрѣтили думные бояре, разодѣтые въ парадные кафтаны, въ высокихъ шапкахъ, и низко поклонились князю.

— Государь великій Василій Ивановичъ всея Руси повелѣлъ тебѣ, князь Михайло, предстать предъ его ясны очи! проговорилъ ближній царскій бояринъ Сабуровъ.

Скопинъ-Шуйскій поклонился.

— И тебѣ также, Яковъ Понтусъ Делагарди...

Оба военачальника сошли съ коней и, предшествуемые ближнимъ бояриномъ, двинулись въ палаты.

При входѣ молодого князя Василій Ивановичъ сдѣлалъ движеніе, точно хотѣлъ пойти ему навстрѣчу, но Скопинъ поспѣшилъ самъ подойти къ царю.

— Спасибо, князь, что-освободилъ московскія свя-

тыни и насъ, съ помощью Божьею! со слезами на глазахъ ласково проговорилъ Василій Ивановичъ. Онъ обнялъ Скопина и поцѣловалъ его.

— Спасибо и тебѣ, шведскій воевода, Яковъ Понтусъ! Когда бъ не вы обои, захвачена была бы Москва врагами!

Оба полководца были растроганы пріемомъ. Въ освобожденной Москвѣ начались пиры за пирами.

Москвичи наперерывъ приглашали шведовъ къ себѣ и угощали ихъ.

XIV.

Все больше и больше благоговѣлъ московскій народъ передъ героемъ. Стоило только Михаилу Васильевичу появиться на площади или улицѣ, какъ навстрѣчу ему летѣли восторженные крики, вездѣ проявлялась народная любовь къ нему.

— Эхъ, когда бъ князь Михайло былъ у насъ царемъ, иначе бы все стояло на Москвѣ! замѣтилъ Аксютинъ своему сосѣду Филиппу.

— Зачѣмъ же дѣло стало? отозвался Звончатый:—соберемъ народъ московскій, обтолкуемъ все, да и будемъ бить челомъ царю Василію Ивановичу: «Ослобони, молъ, мѣсто, пусть сядетъ у насъ государемъ князь Михайло Васильевичъ!»

— Пожалуй, что и такъ! Потолковать съ народомъ надо, да только съ опаской.

По всей Москвѣ шли толки объ этой замѣнѣ.

Услужливые люди донесли о нихъ и до царя Василія Ивановича:

— Поберегись, государь: хочетъ тебѣ измѣну содѣлать твой сродственникъ князь Михайло и самъ на царскій престолъ сѣсть!

Встревожился Василій Ивановичъ, вспомнилъ онъ, какъ самъ въ былыя времена измѣнялъ крестному цѣлованію Борису Годунову и Димитрію Самозванцу, но, какъ хитрый, осторожный человѣкъ, онъ не высказалъ своихъ опасеній.

— Мало ли что болтаютъ! сказалъ онъ своему брату Димитрію Шуйскому.

Но тѣмъ не менѣе велѣлъ позвать къ себѣ князя Скопина.

— Сказывали мнѣ, князь Михайло, что задумалъ московскій людъ смѣстить съ царскаго престола меня по старости,—умишка, молъ, нѣтъ у него,—вкрадчиво обратился Василій Ивановичъ къ молодому полководцу,—а тебя царемъ всея Руси поставить! Что скажешь, правда это?

И онъ пытливо посмотрѣлъ на князя. Съ негодованіемъ отступилъ назадъ Михаилъ Васильевичъ.

— Великій государь, крамолы никогда не затѣетъ Скопинъ-Шуйскій! Я крестъ тебѣ животворящій цѣ-

ловалъ, и вѣренъ до гроба буду! твердо проговорилъ Скопинъ и смѣло посмотрѣлъ на царя.

— Тебѣ я вѣрю, князь! Оставимъ всѣ пустые слухи! замялъ непріятный разговоръ Василій Ивановичъ.

— Неправду ты, братъ, сказалъ на князя Михайла, не мыслитъ онъ измѣны! укорилъ Василій Ивановичъ Димитрія Шуйскаго.

— Мыслитъ, да только скрываетъ. Есть у меня волхвы, они тебѣ всю правду по звѣздамъ откроютъ. Прикажешь привести?

Задумался царь.

— Потайно вечеромъ введи черезъ задній ходъ ко мнѣ въ опочивальню.

Поздно вечеромъ, когда на небѣ показались яркія звѣзды, Димитрій Шуйскій привелъ въ царскую опочивальню двухъ волхвовъ-гадателей.

Оба они были изъ далекой Корелы.

— Смотрите хорошенько на звѣзды, и отвѣчайте мнѣ, кто́ будетъ моимъ наслѣдникомъ на престолѣ московскомъ? сказалъ имъ Василій Ивановичъ.

Долго наблюдали за небомъ угрюмые, съ бѣлыми какъ ленъ волосами корелы, перекидывались между собою на незнакомомъ Шуйскому языкѣ и наконецъ твердымъ голосомъ отвѣтили:

— Царь Михаилъ...

Василій Ивановичъ вздрогнулъ. И безъ того небольшого роста, онъ сгорбился, сжался еще больше,

морщинистое лицо его искривилось страхомъ, въ больныхъ глазахъ сверкнула злоба, и задрожавшая рука затеребила рѣдкую бородку.

— Ступайте! Ступайте! взволнованно прошепталъ онъ.

Волхвы поклонились царю и вышли изъ опочивальни потайнымъ ходомъ.

— Ну, что, не правъ я былъ? шопотомъ замѣтилъ пораженному царю Димитрій Шуйскій.

— Правъ-то правъ, но какъ же обвинить Михайлу въ крамолѣ?

— Я все устрою, братъ, довѣрься мнѣ.

Дѣланная улыбка появилась на губахъ Василія Ивановича.

— Поступай, какъ знаешь, я умываю руки и помощи тебѣ не окажу!

Братья разстались.

XV.

— Доносъ на тебя государю, князь Михаилъ!

Скопинъ спокойно посмотрѣлъ на сообщившаго ему эту вѣсть Делагарди.

— Опять? Уже не первый! На этотъ разъ чье это дѣло?

— Братъ царя, Димитрій, обвинилъ тебя, что

отдалъ ты намъ, шведамъ, самовольно Корелу съ областью...

Скопинъ усмѣхнулся.

— Пусть доноситъ: царь знаетъ, что это неправда.

— Всякъ знаетъ это, я самъ о томъ крестъ поцѣлую, но послушай, другъ, не медли ты: страшны для тебя московскія стѣны, не избѣжать тебѣ худа! продолжалъ шведскій военачальникъ. — Скорѣе выберемся мы въ поле, и снова въ битву на враговъ!

— Пожди, Яковъ Понтусъ! Не ты ли говорилъ мнѣ, что я горячъ, а самъ теперь меня торопишь? Отдохнемъ здѣсь до просухи, а тамъ и грянемъ на поляковъ.

Доносъ Димитрія Шуйскаго ничѣмъ не былъ подтвержденъ. Царь Василій Ивановичъ оправдалъ Скопина, обнялъ его и при всѣхъ боярахъ громко произнесъ:

— Ты, князь Михайло, вѣрный слуга царевъ и не измѣнишь землѣ Русской. Тебя же за ложный доносъ, обратился онъ къ Димитрію, — наказать я долженъ...

И онъ замахнулся палкой на брата.

Бояре видѣли благоволеніе царя къ князю Михаилу Васильевичу.

Одинъ изъ нихъ, князь Иванъ Воротынскій, свояк царя, подошелъ къ Скопину и проговорилъ:

— Къ чему намъ ссориться, вѣдь всѣ мы радѣемъ о пользѣ земли родной, не время для ссоръ! Прости Димитрія: о пользѣ государства онъ тоже думалъ, противъ тебя же лично нѣтъ злобы у него!

— Зачѣмъ сердиться мнѣ на него? Я ссоры врагъ! спокойно отвѣтилъ Михаилъ Васильевичъ.

— А, коли такъ, облобызайтесь братскимъ цѣлованіемъ! продолжалъ Воротынскій. И недавніе враги обнялись и поцѣловались.

— Теперь же, князь Михаилъ, не откажи ты мнѣ сегодня у меня младенца окрестить, кумой же будетъ княгиня Катерина, жена его! сказалъ Воротынскій, указывая на Димитрія Шуйскаго.

— Спасибо на чести, князь, съ охотой покумлюсь съ тобою! весело отвѣтилъ Михаилъ Васильевичъ.

— Такъ что жъ, идемъ тогда!

И они вмѣстѣ отправились къ Воротынскому. Это было 23-го апрѣля.

Окрестили младенца. Зашумѣлъ богатый пиръ «крестильнаго стола».

Не мало было пирующихъ князей и бояръ, долго веселились за столомъ. Въ концѣ пира, когда всѣ присутствующіе были уже навеселѣ, хозяинъ вспомнилъ о забытомъ обычаѣ «перепиваніи».

Онъ состоялъ въ томъ, что по окончаніи пира кума, крестившая ребенка, обносила гостей «почет-

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій на пиру у князя Воротынскаго (1610 г.).
Съ рис. *А. Земцова* (Заимств. изъ журнала «Нива»).

ной чашей»; гости пили эту чашу до дна и кидали въ нее подарки и золотыя монеты.

Дочь Малюты Скуратова, извѣстнаго по своей жестокости ближняго боярина Ивана Грознаго, Екатерина Шуйская, «кума крестная, змѣя подколодная», по народному выраженію, подошла съ чашею къ Скопину раньше другихъ гостей.

— Изволь, кумъ, князь Михайло, испить сію чашу во здравіе младенца крестника.

Михаилъ Васильевичъ духомъ осушилъ чашу и, сорвавъ съ лѣвой руки дорогое запястье, опустилъ его въ чашу.

Екатерина низко поклонилась «куму» и, ополоснувъ чашу, налила снова въ нее вина. Скопинъ поблѣднѣлъ, схватившись за голову. Онъ опустился на лавку.

— Что съ тобою, князь? заботливо спросилъ его хозяинъ.

— Не можется мнѣ что-то, князь! отвѣтилъ Михаилъ Васильевичъ.

Но ему становилось все хуже.

— Домой скорѣй! въ полузабытьѣ прошепталъ Скопинъ.

Его повезли домой и сообщили о его внезапномъ недугѣ Делагарди.

Испуганный этимъ извѣстіемъ, шведъ привелъ съ собою къ нему своего врача.

— Что съ тобою, княже милый? тревожно спросилъ Делагарди лежащаго безъ чувствъ Скопина.

Ничего не отвѣтилъ князь своему ратному товарищу.

Приведенный врачъ хлопоталъ около больного, ставилъ ему горячія припарки, давалъ лѣкарства.

Но ничего не помогло. Молодой герой, надежда государства, скончался на рукахъ своей матери и жены.

Слухъ о кончинѣ любимаго князя быстро облетѣлъ всю Москву.

Загадочное заболѣваніе его на пиру у Воротынскаго народная молва приписала отравѣ, которую преподнесла ему въ чашѣ «перепиванія» жена Дмитрія Шуйскаго Екатерина.

И широкимъ потокомъ москвичи бросились къ дому Димитрія.

— Разоримъ! Не оставимъ камня на камнѣ, щепы ни единой, а самихъ злодѣевъ умертвимъ! раздавались крики среди толпы.

Царь Василій Ивановичъ, испуганный народнымъ негодованіемъ противъ своего брата и невѣстки, прислалъ ратниковъ, чтобы охранить ихъ дворъ отъ народной ярости.

Не мало скопилось народу и у дома покойнаго.

— Пропустите меня, народъ московскій, попрощаться съ побратимомъ моимъ, княземъ Шуйскимъ! сказалъ подъѣхавшій къ дому Делагарди.

— Пускать, что ли, али нѣтъ? Вѣдь не православной онъ вѣры! переговаривались между собою москвичи.

— Не слыхалъ, что ли, что побратимъ онъ нашему красну солнышку! сказалъ кто-то изъ народа.

Толпа разступилась и пропустила Делагарди.

Поклонился Яковъ Понтусъ мертвому соратнику своему и, выйдя на крыльцо, сказалъ:

— Люди московскіе! Не только въ вашей Руси, но и въ земляхъ государя моего не видать уже мнѣ такого человѣка!

Не удалось русскому народу видѣть своего любимца на престолѣ!

Похоронили его въ Архангельскомъ соборѣ, среди царей и великихъ князей московскихъ...

Г. Т. Сѣверцевъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
1934 г.

КОПИРОВАНИЕ
06.02.

Принимается подписка на 1903 г. на журналъ

„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“

(16-й годъ изданія).

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія журналъ этотъ допущенъ въ ученическія библіотеки народныхъ и городскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя читальни и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ многія книжки этого журнала допущены въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ.

Удостоенъ похвальнаго отзыва на первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла.

Удостоенъ диплома на всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ по отдѣлу народнаго образованія.

„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“ назначается для учениковъ народныхъ школъ. Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. № состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ книжечекъ, вложенныхъ въ общую обложку, что *даетъ возможность пользоваться книжками „ЧИТАЛЬНИ“ многимъ лицамъ за разъ.* Въ общей сложности „Читальня“ даетъ ежегодно не менѣе 90 печатныхъ листовъ, т.-е. 1.500 страницъ и болѣе. Многія книжки украшены картинками.

„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“ заключаетъ въ себѣ:

1) разсказы изъ священной исторіи, житія святыхъ;
2) разсказы изъ отечественной исторіи и жизнеописанія знаменитыхъ людей;
3) повѣсти и разсказы;
4) стихотворенія;
5) драматическія произведенія;
6) описаніе разныхъ явленій физическаго міра, жизни животныхъ и растеній;
7) свѣдѣнія о происшествіяхъ и событіяхъ текущей жизни.

Условія подписки:

Съ пересылкой и доставкой на годъ 3 р., на шесть мѣсяцевъ 1 р. 50 коп., на три мѣсяца 75 коп., на два мѣсяца 50 к. и на одинъ мѣсяцъ 25 к.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 90.

Редакторъ-издатель **Н. Моревъ.**

Разрѣшено цензурой. СПБ., 27 іюля 1903 г.— Типо-лит. М. П. Фроловой. Галерная, 6.